

Отделение

Российская академия наук
Институт российской истории РАН

0878

Историк и Художник

Сборник
воспоминаний и статей
памяти профессора
Сергея Сергеевича
Секиринского

Раздел I. Воспоминания
О.В. Чекалова
Д.С. Секиринский
В.В. Некрасов. Сергей Сергеевич Секиринский
Ю.Л. Птицов. Сергей Сергеевич Секиринский
С.В. Бондарев. Запомнил, будто
Н.С. Растратин. Постройка
В.М. Шеинский. Судьба
Сергей Сергеевич Секиринский
А.Л. Карапетян. Сергей Сергеевич Секиринский
Историк-портретист
Фотофонд
А.Н. Яблонский
Я.В. Григорьев
Раздел II. Статьи

- В.В. Журавлев. Союз Клие и Пикассо в поисках «сущей истины»
В.И. Дурновцов. Исторический источник в традиции
личного постижения исторической жизни
Д.А. Мельников. Родственники
Историк и Художник
Фотофонд
С.О. Смирнова. Очерк
С.Г. Гарник
О.А. Нестор
А.Е. Нестор. Профессорский институт
И.А. Красногоров. «Законы любви»
Д.И. Борисов. «Законы любви»
П.Б. Хлытов. Модернизм
Д.И. Борисов. «Законы любви»
Начало XX века
Г.С. Красногоров. Приватизация художника и художественного
подиума в конце XIX века
А.В. Матвеев. П.А. Бажанов о «Софии»
Р.В. Диденко. С.К. Валентин Симонов
Москва
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И 90

Редколлегия:

Ю.А. Петров, д.и.н. (ответственный редактор)
О.В. Волобуев, д.и.н., профессор
О.В. Будницкий, д.и.н., профессор
В.П. Булдаков, д.и.н.
А.В. Голубев, к.и.н.
С.В. Журавлёв, д.и.н.
В.В. Зверев, д.и.н., профессор
Е.Ю. Зубкова, д.и.н., профессор
А.В. Мамонов, к.и.н. (ответственный секретарь)
Л.С. Новосёлова-Чурсина
Д.С. Секиринский, к.и.н.
И.А. Христофоров, д.и.н.
В.В. Шелохов, д.и.н., профессор

И 90 **Историк и Художник:** Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского / Отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: Институт российской истории, 2013. – 560 с. : ил.
ISBN 978-5-8055-0247-8

В книгу вошли воспоминания о С.С. Секиринском и статьи, посвящённые сюжетам, получившим освещение в его творчестве – истории русской общественной мысли, российского либерализма, взаимосвязи исторической науки, литературы и искусства, судьбам России в XX в.

ISBN 978-5-8055-0247-8

© Коллектив авторов, 2013

© Институт российской истории РАН, 2013

Оглавление

Раздел I. Воспоминания	
О.В. Волобуев. Два историка, две судьбы... в моей памяти.....	7
Д.С. Секиринский. О папе.....	23
В.В. Шелохов. Сергей Секиринский – историк и художник	27
Ю.А. Петров. Сергей Секиринский – редактор академического журнала.....	31
С.В. Тютюкин. Долгое эхо, благодарная память	36
И.С. Розенталь. По страницам «Историка и Художника».....	45
В.М. Шевырин. Строки воспоминаний о Сергеевиче Секиринском	59
А.А. Кара-Мурза. Сергей Сергеевич Секиринский – историк-портретист.....	66
Раздел II. Статьи	
В.В. Журавлев. Союз Клио и Психеи: в поисках «одушевлённой» истории	73
В.И. Дурновцев. Исторический источник и традиции «цельного постижения исторической жизни»	84
Л.В. Мельникова. Культурная память о 1812 году во время Крымской войны	100
А.И. Куприянов. Дворянские выборы глазами забытого драматурга	116
А.Е. Иванов. Профессорский институт (1827–1838 гг.)	132
И.А. Христофоров. Самая либеральная из наук: политическая экономия и кружок либералов-фритредеров в эпоху Великих реформ	159
Р.А. Арсланов. Революционные демократы и идеи социализма в восприятии либералов 1850–1880-х гг.....	173
Н.Б. Хайлова. Модернизация и национальное хозяйство: взгляды русских либералов-центристов рубежа XIX – начала XX веков	191
Т.Ю. Красовицкая. Православные миссионеры и исламские модернисты в конце XIX века	207
А.В. Мамонов. П.А. Валуев в «Отголосках» 1879–1880 годов	229
В.В. Зверев. С.Ю. Витте и Г.П. Сазонов: личные отношения на фоне кризиса Российской империи.....	257

Сведения об авторах

Арсланов Рафаэль Амирович, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета.

Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Дурновцев Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Журавлёв Валерий Васильевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета.

Журавлёв Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН.

Зверев Василий Васильевич, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Иванов Анатолий Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, президент Национального фонда «Русское либеральное наследие».

Карпачёв Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета.

Красовицкая Тамара Юсуфовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Куприянов Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Леонтьева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Тверского государственного университета.

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Российская история», старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Морозов Константин Николаевич, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозова Алла Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Олейников Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Опёнкин Леонид Антонович, доктор исторических наук, профессор.

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН.

Розенталь Исаак Соломонович, доктор исторических наук, главный специалист Российской государственного архива социально-политической истории.

Секиринский Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.

Тютюкин Станислав Васильевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Хайлова Нина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

Христофоров Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история».

Шевырин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

новленных правил: помимо экзаменовавшихся, как и в 1828 г., в Академии наук, четыре кандидата были приняты только по рекомендации самих университетов и отдельных учёных¹⁰⁴. Набрано было всего 8 человек, двое из которых выбыли: один умер от холеры, а другого отчислили за неуспеваемость (экстраординарный случай!). Таким образом, второй выпуск составил в конечном счёте только шесть человек, направленных Московским (2), Харьковским (2), Казанским (1) и Дерптским (1) университетами. Новые «профессоранты» специализировались в области медицины (В.И. Варвинский, П.П. Любовский), астрономии (Е.Е. Саблер, А.Н. Савич), русской истории (Н.А. Иванов), политэкономии и статистики (И.Я. Горлов)¹⁰⁵. Одолев пятилетний курс наук в Профессорском институте, защитив диссертации в Дерпте, они, за исключением Е.Е. Саблера, изначально готовившегося к замещению должности астронома-наблюдателя в Пулковской обсерватории Академии наук, были распределены по университетам. В виде поощрения им сразу же предоставили кафедры, без дорогостоящей и долговременной заграничной командировки, которая откладывалась на два года с момента вступления их в должность адъюнкта или профессора¹⁰⁶.

20 января 1838 г. Профессорский институт был закрыт как исполнивший свою роль. Руководство Министерства народного просвещения полагало, что реформированные в 1835 г. университеты теперь уже «сами в состоянии приготовлять себе профессоров»¹⁰⁷.

За 10 лет в нём было подготовлено 22 высококвалифицированных профессора европейского уровня, которые успешно действовали на академическом поприще не только в первой, но и во второй половине XIX в. По репрезентативному подсчёту Г.И. Щетининой, в 1875 г. 11 из них ещё числились в штатах шести российских университетов в качестве «заслуженных профессоров»¹⁰⁸. Почётную известность в учёном мире обрели Н.И. Пирогов, М.С. Кутурга, А.Н. Савич, Ф.И. Иноземцев, А.М. Филомофитский, П.И. Котельников и В.И. Лапшин. Пирогов писал о выдающейся роли Профессорского института в обновлении университетов. Этот «переворот», утверждал учёный, «совершился посредством введения новых элементов, и то были не новые уставы, а свежие личности», подоспевшие вовремя «для замены отжившего»¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Тамул В.Э. Указ. соч. С. 58–59.

¹⁰⁵ См.: Петров Ф.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 34–37.

¹⁰⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 4. С. 53.

¹⁰⁷ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. С. 251.

¹⁰⁸ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 49.

¹⁰⁹ Пирогов Н.И. Указ. соч. С. 100–103.

И.А. Христофоров

Самая либеральная из наук: политическая экономия и кружок либералов-фритредеров в эпоху Великих реформ

В историографии дореволюционного российского либерализма, для изучения которого так много сделал Сергей Сергеевич Секиринский, всегда уделялось особенно пристальное внимание политическим и правовым аспектам либеральной доктрины. Именно стремление обеспечить гражданские и политические права и свободы, по общему признанию, составляло ядро как классического, так и нового, социального либерализма, распространявшегося на Западе и в России в конце XIX – начале XX в. На этом фоне экономическое содержание либеральной идеологии предстаёт как нечто менее существенное, исторически изменчивое и подверженное веяниям интеллектуальной моды. Такой подход выглядит тем более основательным, что наиболее известные представители российского либерального «пантеона» по образованию и/или профессии являлись правоведами и историками. Политическая же экономия применительно к середине и особенно второй половине XIX в. ассоциируется у нас скорее с социализмом в различных его вариантах. Однако изымать из либеральной идеологии её наиболее динамичную и острую составляющую – значило бы, на мой взгляд, существенно её обеднять.

Конечно, экономическая наука была в XIX в. гораздо менее институционализирована по сравнению с другими социальными дисциплинами. Не говоря уже про предельно математизированную дисциплину, известную сейчас как «economics», которая зародилась на Западе лишь в конце века, а «майнстрилом» стала ещё позже, и более традиционная политическая экономия имела сравнительно недавние происхождение и историю преподавания. В России же она вплоть до эпохи Великих реформ оставалась хотя и популярной (хрестоматийный пример – читающий Адама Смита пушкинский Онегин), но находившейся у правительства под серьёзным подозрением и очень мифологизированной сферой знания, практически полностью импортированной с Запада.

Характерен в этом отношении случай, описанный в воспоминаниях Е.И. Ламанского, крупного отечественного экономиста, одного из создателей и многолетнего управляющего Государственным банком.

В 1849 г., как и десятки других представителей столичной молодежи, тогда еще совсем юный чиновник государственной канцелярии был недолго арестован по делу М.В. Петрашевского. Следственную комиссию особенно интересовало, вел ли Ламанский «разговоры об освобождении крестьян и об уничтожении помещиков; о том, чтобы освободить торговлю и т.п.». Таким образом, в политэкономической концепции *free trade* (свободной торговли) ключевым для высокопоставленных последователей оказывалось слово «свободная», причем проводилась прямая аналогия с освобождением крепостных: «Это экономическое учение было известно генералам в смысле избавления купцов от какой-то зависимости от правительства и чуть ли не призыва к бунту всего коммерческого люда в России». Лишь когда Ламанский объяснил, что «учение о свободе торговли есть учение экономическое, что о нем нам читали с кафедр профессора, что оно признается в Европе», допрашивавшие его сановники (в числе которых был и будущий глава Редакционных комиссий по крестьянскому делу Я.И. Ростовцев) смягчились, а подозреваемый получил выговор и был отпущен¹.

Вдумываясь в смысл этого эпизода, нельзя не прийти к заключению, что по крайней мере в части своих подозрений «генералы» были правы: фритредеры действительно требовали освободить торговлю (и экономику в целом) от налагаемых на неё правительствами стеснений, так что параллели с отменой крепостного права оказывались вполне уместными (неправы они были лишь в приписывании Ламанскому и его единомышленникам карикатурных «подрывных» пополновений). Иначе говоря, в либеральном (но не революционном!) идеологическом смысле доктрины *laissez faire, laissez passer* сомневаться не приходилось. Очень характерны и аргументы Ламанского в свою защиту. Попытка представить эту доктрину не вызывающей сомнений научной истиной как бы снимала вопрос о её идеологической вредоносности. Вместе с тем, его аргументы вовсе не были чистой риторикой. Согласно позитивистским представлениям, политическая экономия, как и другая важнейшая социальная наука того времени — статистика (и в отличие от юриспруденции или философии), являлась именно сферой точного знания. Как писал позже, в середине 1860-х гг. другой известный российский экономист академик В.П. Безобразов, «может быть, ни одна наука в кругу наук политических и общественных не заключает в себе столько, как политическая экономия, истин, доведенных и теорий, и опытом до точности истин математических»².

¹ Ламанский Е.И. Воспоминания // Ламанский Е.И. Избранные произведения. М.: 2005. С. 96.

² РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 490. л. 1.

С конца 1850-х гг. этим математическим истинам предназначалось лежать в основу правительственной политики в экономической сфере, причем Безобразов и Ламанский оказались заметными фигурами в небольшом кружке молодых ученых и чиновников, претендовавших на невиданную до того в России роль почти монопольных носителей политэкономического научного знания. Серьезная традиция преподавания политической экономии в стране отсутствовала, тогда как в Европе она переживала настоящий бум популярности не только как социальная наука, но и как руководство к действию для правительства и предпринимательской элиты. В этих условиях молодые российские экономисты не могли не ощущать себя членами элитарного клуба, своеобразными миссионерами и культуртрегерами.

Порой эта самооценка приобретала комичные черты. В 1862 г. новый министр финансов М.Х. Рейтерн пригласил к себе своих подчиненных В.П. Безобразова и Ф.Г. Тернера (еще одного представителя кружка молодых экономистов) и попросил их делать обзоры появляющихся в печати материалов по экономическим вопросам и составлять для «Московских ведомостей» статьи на эту тему. Выслушав поручение, Безобразов, как вспоминал позже Тернер, «заговорил с министром как равный и потребовал ознакомления с основными началами „системы Рейтерна“, чем немало его удивил»³. Конечно, столь вопиющее нарушение субординации воспринималось прежде всего как бес tactность (и серьезно повредило карьере Безобразова). Но едва ли оно было случайным. Вот еще один пример. Ламанский, рассказывая в мемуарах о переломном для страны периоде начала царствования Александра II, почти по-хлестаковски утверждал: «В это время мои финансовые знания и труды уже обращали на себя внимание, сочинения мои сделались известны не только в России... Общественное мнение и некоторые влиятельные лица указывали на меня как на будущего финансового деятеля... Меня уже называли будущим товарищем министра финансов»⁴. В это время выпускнику Александровского лицея коллежскому советнику Ламанскому было 33 года и в числе его заслуг были разве что секретарство в Русском географическом обществе, несколько статей и полуторагодовая командировка в Европу для ознакомления с тамошними финансовыми реалиями...

В отличие от Хлестакова, Евгений Иванович хотя и не стал товарищем министра, но сыграл реальную и очень значительную (порой тешевую) роль в разработке правительственного курса. Именно он стал одним из авторов пока еще очень слабо изученных финансовых реформ конца 1850 — начала 1860-х гг. Занималась их подготовкой «банков-

³ Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни. Т. 1. Спб., 1910. С. 202.

⁴ Ламанский Е.И. Указ. соч. С. 108.

ская комиссия» под руководством директора Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов Ю.А. Гагемейстера, в которую входили исполняющий должность товарища министра внутренних дел Н.А. Милютин, М.Х. Рейтерн, директор департамента торговли и мануфактур А.И. Бутовский, будущий государственный контролер В.А. Татаринов, Г.П. Небольсин, Е.И. Ламанский и профессор политэкономии и ректор Киевского университета Н.Х. Бунге. По словам Ламанского, «ещё до собрания комиссии я пригласил Бунге к себе на дачу и после обеда начертал на листе бумаги свой план преобразования нашей банковской системы», который и лёг в основание работ комиссии⁵.

Не вдаваясь здесь в детали предпринятых тогда правительством финансовых мер, следует отметить, что образцом для Ламанского и его единомышленников представляла главным образом Франция периода Второй империи, с характерными для неё бурным развитием кредита, строительством железных дорог и «нового» Парижа, акционерным учредительством и биржевой игрой, Франция финансистов и инженеров — братьев Перейр, барона Османа, Фердинанда де Лессепса. Головокружительный экономический рывок, который она тогда совершила, в глазах русских рубежа 1850—1860-х гг. тем более заслуживал особого внимания, что он произошел в крестьянской стране, в условиях авторитарного политического режима, серьёзных стеснений политических прав и при активном участии государственной власти, которая, в отличие от Великобритании, не собиралась ограничиваться ролью «ночного сторожа». Получалось, что «освобождение» экономики вполне возможно и в нелиберальном государстве!

Французский опытказал существенное влияние и на европейскую (и, соответственно, российскую) политическую экономию. Следует отметить, что в методологическом отношении эта наука была тогда довольно эклектичной. Классическое учение Смита и Рикардо претерпело очень существенные изменения под воздействием, с одной стороны, эпигонских упрощений и вульгаризации (которыми особенно прославились французы Ж.-Б. Сэй и Ф. Бастия), а с другой — критики со стороны сен-симонистов (к числу которых принадлежали, кстати, и многие французские «капитаны индустрии»), социалистов и представителей немецкой «исторической школы». В результате в тогдашних российских учебных курсах и пособиях мирно сосуществовали А. Смит и В. Рошер, Дж. Ст. Милль и Б. Гильдебрандт, Ж.-Г. Куртель-Сенель и Г. Шторх⁶. Конечно, эту эклектичность можно считать признаком вторичности экономической науки того времени и сумбур-

ра, царившего в головах многих учёных⁷. Но можно рассматривать её и как свидетельство широты их взглядов и своеобразного интеллектуального космополитизма (несомненно, сами экономисты именно так и считали). Впрочем, в мировоззрении представителей того кружка, о котором идёт речь в этой статье, как и в экономической науке в целом, всё же явно доминировали индивидуализм, ставка на свободу конкуренции и устранение «опеки» над экономикой со стороны государства.

Однако в России представление о том, что рынок «умеет» регулировать экономику лучше, чем чиновники, едва ли могло лежать в основу правительственной политики. Дело в том, что в стране отсутствовали элементарные условия, необходимые для развития «свободного рынка»: благоприятствующее ему законодательство, развитая судебная система, современные кредитно-финансовые институты, средства коммуникации и, соответственно, предпринимательская культура. На создание инфраструктуры требовалось многое годы, если не десятилетия, но столь долгое ожидание едва ли могло устроить молодых реформаторов. Отсюда — фундаментальное противоречие, свойственное их мировоззрению и деятельности: «свободный рынок» предполагалось наращивать с помощью активной, интервенционистской правительственной политики. В результате, по сравнению с николаевской системой «опеки», пусть и предельно архаичной, но не лишенной цельности и некой застойной монументальности, новый экономический курс выглядел порой крайне непоследовательным.

В качестве типичного примера подобной непоследовательности либеральных экономистов можно привести деятельность столичного Общества взаимного кредита — любимого детища Е.И. Ламанского. Это сугубо частное предприятие, созданное в 1863 г., разместилось в здании Государственного банка, причём Ламанский сам возглавил его правление. По свидетельству близкого к правительенным кругам публициста и дельца К.А. Скальковского, в Государственном и частном банках заседали одни и те же чиновники, а артельщики по мере нужды перетаскивали мешки денег из одной кассы в другую⁸. Как пишут современные исследователи С.К. Лебедев и П.В. Лизунов, в лице Общества Государственный банк «имел нечто вроде вспомогательной или дочерней организации»⁹.

⁷ См.: Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805—1905. М., 2008. С. 130-143.

⁸ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 515.

⁹ Лебедев С.К., Лизунов П.В. Кредитование промышленности и железнодорожного строительства. Создание двухуровневой банковской системы. Антикризисные меры 1869—1877 гг. // История Банка России / Под ред. Ю.А. Петрова, С.В. Татаринова. Т. 1. М., 2010. С. 202.

⁵ Там же. С. 122.

⁶ См., например: Тернер Ф.Г. Краткое руководство к изучению политической экономии. СПб., 1862. С. II.

Однако нельзя не согласиться с С.В. Татариновым, что «прибыли от деятельности Общества шли отнюдь не в казну, да и уставу Государственного банка подобные отношения никак не соответствовали»¹⁰. У экономиста протекционистской школы подобное смешение частного и казенного, возможно, и не вызвало бы вопросов. Не удивило бы оно и коррумпированного чиновника. Но Ламанский и его единомышленники были последовательными обличителями и протекционизма, и рождающей им коррупции!

Неудивительно, что правительственный курс в сфере экономики оказывался в те годы очень уязвимым для критики как «слева» (со стороны последовательных либералов-фритредеров), так и «справа» (со стороны традиционалистов). При этом критика тех или иных экономических мер зачастую сопровождалась обличением той самой «науки», на незыблемые указания которой ссылались молодые российские экономисты, и невежества самих этих экономистов.

Наиболее ярко такие обличения прозвучали позже в получившей большой резонанс книжке известного предпринимателя В.А. Кокорева «Экономические провалы (по воспоминаниям с 1837 года)», вышедшей в свет в 1887 г., т.е. в эпоху ревизии Великих реформ, бурного роста национализма и антизападничества, а также общеевропейской протекционистской «волны». Вспоминая о времени подготовки отмены крепостного права, Кокорев, в частности, поведал читателям о своей встрече с министром финансов А.М. Княжевичем. Обсуждалась необходимость активно поддержать кредитом помещичьи хозяйства, остающиеся без дарового труда: «Разделяя этот взгляд, А.М. Княжевич выразился так: “Ничего не поделаешь с *ними*; они так хотят, чтобы всякая деятельность становилась на свои ноги и никакой уступки в этом не сделают”. — “Но позвольте возразить: разве возможно, чтоб новорожденный ребенок — наше сельское хозяйство с вольнонаемным трудом — мог сразу встать на ноги без всякого о нем попечения? И кто же эти *они*, очевидно желающие искалечить русскую сельскую жизнь?” Тут я впервые узнал, что *они* — люди новых взглядов, составившие из 5-6 человек кружок, стремящийся в кабинеты высокопоставленных лиц и салоны влиятельных барынь для распространения в них своих взглядов, дабы потом, мало-помалу расширяя свой круг, забрать в свои руки направление правительенной власти. Ещё позднее я узнал, кто именно эти *они*, и убедился в том, что это всё люди по большей части честные, благонамеренные и бредившие об экономической равноправности, но без всякого понимания нужд и потребностей рус-

ской жизни». Действиями этой «фирмы “они”» руководило, по словам Кокорева, «желание изобразить из себя единственных и необходимых людей, знающих какую-то финансовую науку, которой якобы никто, кроме них, не знает. Напущенный на нас туман под вымыслом науки со всею его запутанностью заставляет многих предполагать, что финансисты уподобляются алхимикам, знающим секрет философского камня, и что поэтому надобно во всем подчиниться их взорениям»¹¹.

В другом месте Кокорев садится и на порядком заезженного уже в то время националистического конъка, рассуждая об «антирусском заговоре» и экономистах как его орудии. Наставая на том, что вместо иностранных займов правительству следовало бы сделать ставку на эмиссию бумажных денег, против чего категорически возражали «они», Кокорев заключал: «Европа постигала, что верноподданная Россия, преданная в глубине души безусловному исполнению царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому с высоты престола мановению; а дабы положить этой силе препяды и затруднения, надобно было сверх других экономических козней связать нам руки, т.е. подчинить правила, что, вместо простых денежных знаков, можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на европейских биржах, дабы этим способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а верховной русской власти противопоставить власть Ротшильдов и других управителей биржевого курса и сделать из этого курса политический и финансовый барометр для определения русской силы; показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспления»¹².

Несколько лет спустя, цитируя Кокорева в своём очерке о незадолго до того умершем В.П. Безобразове, К.А. Скальковский подтверждал: «Было в России время, когда кружок в десяток теоретиков, возникший под покровительством Тенгборского и Гагемейстера, гнул нашу экономическую жизнь по усмотрению теории и считал десятивековой опыт жизни многомиллионного русского народа ничем сравнительно с сочинениями Фредерика Бастиа, Мишеля Шевалье и Густава де Молинари». Кружок фритредеров, по его мнению, «сви-

¹⁰ Татаринов С.В. Финансово-экономические кризисы второй половины XIX в. и Государственный банк Российской империи. Дис.... канд. ист. наук. М., 2012. С. 161.

¹¹ Кокорев В.А. Экономические провалы (по воспоминаниям с 1837 года). М., 2005. С. 29, 49.
¹² Там же. С. 47. Как известно, идея инфляционного стимулирования экономики родилась в науке XIX в. в совершенно иных экономических и политических условиях (и по сию пору оценивается экономистами очень неоднозначно), так что едва ли Кокорева можно считать «предтечей» Дж. М. Кейнса. Опыт же включения «печатного станка» в XVIII—XIX вв. (во Франции, империи Габсбургов, а также в самой России при Екатерине II и особенно Александре I) был однозначно негативным.

репствовал в особенности при Княжевиче и в начале управления г. Рейтерна»¹³. Инвективы Скальковского не столь грубы как у Кокорева, но суть их та же: несколько обольщенных космополитической наукой и самонадеянных доктринеров причинили экономике страны огромный вред («кто-то сосчитал, что г. Ламанский стоит России дороже Крымской войны»¹⁴), исправить который можно, только ориентируясь не на сомнительную науку, а на «народный опыт».

Фантазии Кокорева и Скальковского, конечно, характеризуют прежде всего ту идеологию, которая восторжествовала в России ещё до начала царствования Александра III. «Национальные чувства» и «народные предания» действительно сменили в ней в качестве ориентиров «данные науки». Под подозрением в неблагонадежности оказалась – как и за четыре десятилетия до того – и сама политическая экономия, которая почти по-марксистски объявлялась всего лишь прикрытием сомнительных и корыстных интересов. С другой стороны, важно отметить, что все приведенные выше обвинения (а подобные им с середины 1870-х гг. стали дежурной темой правой, панславистской, народнической, а иногда и либеральной прессы) были всего лишь зеркальным отражением того, как позиционировали себя и свою миссию сами либеральные экономисты. Представляя себя горсткой носителей почти абсолютного научного знания, противостоящей ложным стереотипам и заблуждениям, они автоматически оказывались в заложниках у самого этого образа. Чувствовали ли они сами уязвимость столь тщательно выстраивавшегося ими имиджа экономической науки как основы «правильной» правительенной политики? Интересные выводы на этот счет позволяет сделать история неудавшейся попытки создания Русского политico-экономического общества, предпринятой представителями кружка молодых экономистов в середине 1860-х гг.

Со времени образования Русского географического общества (РГО) в 1845 г. именно оно стало самым известным «клубом», объединившим цвет столичной бюрократической и научной элиты. Конечно, в Петербурге существовало и гораздо более почтенное Вольное экономическое общество (ВЭО), созданное еще при Екатерине II, однако к середине XIX в. лучшие его времена остались далеко позади. ВЭО было чересчур громоздким и консервативным по структуре, составу и

¹³ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁴ Там же. С. 38. Имелось в виду прежде всего две правительственные меры, обернувшиеся огромными убытками для казны: неудачная попытка восстановления размена бумажных денег на серебро в 1863 г. и попытка поддержать падающий курс рубля в 1881 г. Общественное мнение возлагало ответственность за них прежде всего на Ламанского, хотя обстоятельства разработки обеих мер до сих пор не вполне ясны.

принципам деятельности. Родившись в эпоху, когда «экономический» означало прежде всего «относящийся к домашнему хозяйству»¹⁵, оно имело в середине XIX в. репутацию организации в основном дилетантской, а потому не способной стоять на уровне современной европейской науки. Однако и Географическое общество, создававшееся как раз для того, чтобы этому уровню соответствовать, не смогло избежать подобной судьбы: за полтора десятка лет своего существования до начала эпохи Великих реформ оно успело разбухнуть и бюрократизироваться. Самое же важное заключалось в том, что РГО оказалось слишком разношёрстным по составу. В 1840-х гг. возрастные, статусные и мировоззренческие различия в его среде были преимуществом, а не недостатком, поскольку давали думающим представителям разных чинов и взглядов возможность общения в обход хотя бы части бюрократических и аристократических условностей. В тесном и душном публичном пространстве николаевского царствования такая возможность была редка и ценна. Но в эпоху оттепели и перемен рубежа 1850–1860-х гг. важно было уже не объединяться, а размежевываться. Многие из тех, кто еще вчера был в РГО единомышленниками (скажем, Н.А. Милютин и М.Н. Муравьев), оказались политическими оппонентами. Исчезла и жёсткая необходимость придерживаться во избежание репрессий исключительно санкционированных властью форм и мест для общения. Наступило время создания более узких по тематике, однородных по составу научных объединений.

Между тем именно политическая экономия стала в конце 1850-х гг. «главной» и самой модной из социальных наук (в 1840-х такую роль играла скорее статистика). Те, кто интересовался и занимался этой дисциплиной, испытывали тем большую потребность в институционализации ее статуса, что роль серьёзного политэкономического знания в формировании правительенной политики неуклонно росла. В самом деле, всего за два-три десятилетия до Великих реформ крупнейший государственный деятель ещё мог доказывать вред железных дорог и акционерных банков и оставаться при этом очень успешным министром финансов. Представить себе такое в 1860–1870-х гг., не говоря уже о более поздних временах, было, конечно же, невозможно. Замечу, что Е.Ф. Канкрин, о котором идёт речь, был и автором нескольких увесистых политэкономических трактатов (изданных на немецком языке) и вплоть до начала оттепели конца 1850-х вполне мог считаться в этой сфере признанным авто-

¹⁵ Tribe K. Continental political economy from the physiocrats to the marginal revolution // The Cambridge history of science. Vol. 7. The modern social sciences / Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge, 2008. P. 157–158.

ритетом. Разумеется, в новых условиях этот авторитет, как оказалось, немногого стоил.

Поначалу сторонники «новой» политэкономии пытались институционализировать эту науку в рамках РГО. В 1859 г. в составе Отделения статистики общества был создан Политико-экономический комитет (ПЭК), занявшийся обсуждением теоретических и прикладных экономических проблем, которых было тогда в России огромное множество. Острый финансовый кризис, коллапс казенной кредитной системы и подготовка крестьянской реформы поставили в повестку дня вопрос о коренном преобразовании податной, банковской, денежной систем, а также о новых принципах регулирования предпринимательской деятельности и акционерного законодательства. Несколько созданных на рубеже 1850–1860-х гг. межведомственных «экономических» комиссий наделялись широкой программой действий и значительными полномочиями. Насущной необходимостью стала координация их деятельности.

На протяжении более чем трёх лет члены ПЭК РГО (количество которых выросло с 19 учредителей до примерно 40) и приглашённые гости (которых, как отмечает В.Г. Чернуха, было иногда более сотни) примерно раз в две недели (за исключением летних каникул) собирались для свободного обсуждения достаточно широкого круга проблем¹⁶. Постоянным секретарем был Безобразов, председательствовали поочередно Ф.П. Литке, А.И. Левшин, И.В. Вернадский, А.И. Бутовский, т.е. респектабельные представители «старшего» поколения. В числе участников собраний было много высокопоставленных чиновников (в основном представителей молодой когорты «просвещённых бюрократов», достигших пика карьеры уже в период реформ). Отчёты о заседаниях публиковались. По наблюдению Чернухи, «научная» составляющая в работе комитета из-за многолюдности собраний быстро уступила место задаче воздействия на общественное мнение. Впрочем, отделить одно от другого в то время едва ли было возможно.

Однако комитет просуществовал относительно недолго: в 1862 г. его деятельность после обсуждения в Совете министров в присутствии Александра II была сочтена политически неуместной и приостановлена. Другой формой координации деятельности экономистов стали неформальные встречи, организованные в виде политического салона. Прототипом стали парижские *diner des économistes*, организованные авторитетным французским экономистом польского происхождения

¹⁶ Чернуха В. Г. Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XX. Л., 1989. С. 89–102; она же. Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.) // Там же. Вып. XXI. Л., 1991. С. 84–98.

Л.-Ф.-М. Воловским. Инициатором подобного мероприятия в России стал тот же В.П. Безобразов. Сначала оно проходило в виде воскресных утренних приёмов, потом – в виде нерегулярных обедов по четвергам в фешенебельном петербургском ресторане «Donon»¹⁷. «Гастроэкономические обеды у Донона Безобразов обратил в экономический парламент, имевший огромное влияние на русскую жизнь. Здесь *entre poire et fromage* были разрешены многие капитальные государственные вопросы, от которых до сих пор охает русский народ», – считал Скальковский¹⁸. Экономические обеды просуществовали вплоть до 1880-х гг., причём гостями их обычно был довольно широкий круг чиновников, журналистов и учёных, зачастую придерживавшихся различных убеждений. Вопреки мнению Скальковского, задачей обедов было не формирование какого-то «курса» (тем более правительенного) и не научные дискуссии, а скорее полупрофессиональное, полусветское общение и обмен мнениями и информацией.

Вместе с тем, В.П. Безобразов и его единомышленники не расставались и с идеей создания особого политэкономического общества. В 1865 г., по-видимому самим Безобразовым, была составлена обосновывавшая его организацию записка, а также разработан проект устава. «Все важнейшие отрасли знаний, кроме экономической науки, имеют у нас свои органы в периодической печати и свои средоточия в частных учёных обществах», – начиналась записка. Между тем, именно политэкономия особенно страдает от «укоренившихся в публике незрелых и превратных понятий». В результате, продолжал автор записки, складывается парадоксальная ситуация: «Точность, ясность и простота если не всех, то, по крайней мере, основных экономических законов и подле этого – самые грубые экономические предрассудки массы публики – эта противоположность состояния науки и уровня понятий общества есть явление действительно замечательное... Вместе с тем, внедрение экономических истин в массах публики было бы особенно важно у нас... после великих экономических и государственных переворотов уже совершившихся и в ожидании успехов нашего народного хозяйства». «Дух экономической науки» – «строго охранительный и вместе с тем прогрессивный» – выставлялся в записке в качестве средства «радикального лечения» распространявшихся в обществе «несбыточных желаний и мечтательных стремлений»: «Право собственности, свобода труда, необходимость обеспечения личности, общественного порядка и естественного исторического развития общества путём законности и законной охраны от всяко-

¹⁷ Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни. Т. 1. С. 175, 187–188.

¹⁸ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 100.

го насилия — все эти начала, на которых зиждется вся система экономического учения... и именно ими запечатлены великие реформы нынешней исторической эпохи России». Вместе с тем, политэкономия несёт в себе не только воспитательные, но и практические начала: «Всяким передовым двигателям банковых, коммерческих, агрономических и т.д. операций необходимо высшее политэкономическое образование — не менее необходимо, чем техническая рутина»¹⁹.

Казалось бы, после столь масштабного приступа последуют столь же масштабные предложения по пропаганде достижений экономической науки. Однако автор записки неожиданно свернул совсем в иную сторону. Такие учёные общества как ВЭО и РГО, рассуждал он, «получили такое широкое развитие, что они ныне имеют скорее значение общеполезных и даже государственных учреждений, нежели настоящих учёных обществ». Большинство их членов не имеют никакого отношения к науке, а многолюдные заседания лишь привлекают излишнее внимание. Проектируемое же политэкономическое общество «желательно отнести к несколько иному порядку»: «интересы и вопросы чистого знания должны оставаться преобладающими в его деятельности над всякими интересами практической жизни и текущего дня», а в состав общества будут входить исключительно учёные. «Кто не занимается у нас теми или другими экономическими вопросами?», — риторически вопрошал автор записки. — А между тем даже в числе лиц, специально посвятивших свою литературную деятельность этим вопросам, многие и почти большая часть совершенно чужды науке и даже не изучили самых элементарных её начал. Прилив подобных лиц к обществу мог бы исказить с течением времени всё его значение»²⁰.

Смысль этих пассажей ясен: читателей записки, от которых зависело разрешение общества, убеждали в том, что оно будет действовать в строго академических, а потому безопасных с политической точки зрения рамках. Но такая «строгая научная» политэкономия, лишённая всякой связи с действительностью, существовала и в самые мрачные николаевские времена! Первая часть записки оказывалась в разительном контрасте со второй.

Какой же была судьба столь благонамеренной инициативы? При либеральном министре народного просвещения А.В. Головнине хода она не получила. Новую попытку продвинуть дело Безобразов предпринял через полгода после каракозовского покушения и явного поворота «верхов» в сторону консервативных начал. Пересылая рассмотренную записку и проект устава общества новому министру гр. Д.А. Толстому,

он писал, что особенно надеется на покровительство министра, зная его «образ мыслей и сочувствие именно экономической науке». Приводился и дополнительный аргумент в пользу безопасного характера общества: «В проекте не сказано, что в собрании учредителей было решено просить, чтобы общество состояло в ведении Министерства народного просвещения подобно многим другим учёным обществам. Это с самого начала поставило бы его на ниву науки и провело черту между ним и всеми практическими и политическими сферами»²¹. Состав учредителей также выглядел вполне академично и солидно: кроме неизменных Безобразова, Тернера, Ламанского и Вернадского в их число входили Ю.А. Гагемейстер, Г.П. Небольсин, А.К. Гирс, А.И. Чивилев, К.С. Веселовский, А.И. Горлов, Ю.Э. Янсон, П.Ф. Лиценфельд и А.Н. Куломзин.

Однако Толстого все эти аргументы не убедили. Как следует из имеющихся в деле резолюций, он поручил директору департамента К.К. Питерсу поднять документы головнинских времен, а затем переговорить с Безобразовым. Окончательный вердикт министра, зафиксированный Питерсом 15 января 1867 г., звучал так: «Приказано оставить без движения впредь до приказания»²².

Конечно, момент для ходатайства об учреждении нового общества был выбран явно неудачно. 1861–1866 гг. ознаменовались множеством оппозиционных выступлений *общественных организаций* — дворянских, а затем и земских собраний (их тональность и смысл, по меркам, скажем, начала XX в., был образцом умеренности, но тогда он казался власти возмутительным). «Коноводами» выступали при этом главным образом представители аристократии, так что если у правительства и были иллюзии по поводу высокого социального статуса как гарантии «благонадежности», они должны были окончательно развеяться²³. Элитарность предлагавшегося политэкономического общества в этих условиях едва ли могла успокоить власть. В крайне сгустившейся после 4 апреля 1866 г. политической атмосфере идея о создании *ещё одного* общества, притом *политико-экономического*, члены которого рассуждали бы о «праве собственности, свободе труда и необходимости обеспечения личности», не могла не выглядеть по меньшей мере сомнительной.

Были ли эти опасения хотя бы отчасти обоснованными? Думается, нет. Безобразов был прав: в 1860-х гг. (как и позже) либеральные экономисты были абсолютно лояльны самодержавию. Подавляющее их большинство или находилось на государственной службе, или

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 312. Л. 1–2.

²² Там же. Л. 1, 15.

²³ См.: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 138—220.

было теснейшим образом связано с правительством. С точки зрения реализации своих идей, они получили в конце 1850-х гг. если не карт-бланш, то во всяком случае очень широкий простор и полномочия²⁴, и если работа банковской и податной комиссий, которыми они фактически руководили, не привела к коренным реформам финансовой системы страны, то произошло это не по причине противодействия реакционеров в правительстве, а из-за объективных трудностей.

Можно утверждать, что технократическая, выражаясь современным языком, часть российской общественно-бюрократической элиты имела в период реформ возможность прямо воздействовать на стремительно (и не всегда предсказуемо) проходившую в стране модернизацию экономических институтов, а если и встречала непонимание, то не в «верхах», а в общественном мнении, которое при всей своей неоднородности изначально довольно скептически относились к либерально-экономической парадигме. Ей более или менее активно (хотя и по разному) противостояли представители самых разных общественных течений: традиционные консерваторы типа М.П. Погодина, славянофилы, «аристократическая оппозиция» (за отказ поддерживать поместное землевладение), почвенники, социалисты и нигилисты всех оттенков. И даже среди «своих», в сообществе либеральной бюрократии было немало сомневающихся в жизнеспособности доктрины *laissez faire* в российских условиях²⁵. Так что Безобразов был прав и в том, что самой насущной необходимостью для либеральных экономистов была пропаганда своих идей и той науки, которая их формировала.

История неудачной попытки создания Политико-экономического общества, как и судьба ПЭК РГО, подтверждает, что сами либеральные экономисты относились к этой задаче достаточно серьёзно. Проблема, однако, заключалась в том, что самодержавие, своею властью проводившее в жизнь их программу, одновременно как бы отказывалось признавать её своей. Думается, что для объяснения этой коллизии, имеющей, кстати, прямые аналогии в современной истории России, необходимо прежде всего всестороннее и беспристрастное изучение становления, состава, деятельности и программы группировки либеральных экономистов и реальной их роли в формировании правительственного курса. Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии эта проблема до сих пор не ставилась.

²⁴ См. также: Степанов В.Л. Либерально-экономический “эксперимент” в России (вторая половина 1850-х - первая половина 1870-х гг.) // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний. К столетию историка. М., 2008. С. 491–512.

²⁵ См.: Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 99–100, 107–119, 160–177.